

Сказание о юности Сиды Кампеадора и утерянная песнь о разделе Испании: к реконструкции эпического сюжета

Ирина В. Ершова

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, i.v.ershova@list.ru*

Аннотация. Эпическое сказание о Сиде возникло и развивалось в течение XII–XVI вв. и дошло до нас в самых разных формах: в эпосе, хрониках и романах. Одним из ключевых вопросов при его исследовании остается проблема устного или письменного генезиса того или иного фрагмента биографии героя. Образ Сиды в долгой истории сказаний претерпел различные трансформации; самый резкий переход произошел в процессе добавления к «Песни о моем Сиде» истории юношеских подвигов Родриго, которая станет главной темой поздних поэм, историзованных биографий героя и романов: начало героической биографии Сиды начинает связывать с его службой королю Фернандо I, а сам герой начинает проявлять мятежные качества по отношению к его сыновьям (данные им советы и действия чаще всего вызывают недовольство правителей). Этот фрагмент сказания изложен в «Истории Испании» (имеется в виду ее *versión crítica*, сохранившаяся под названием «*Crónica de veinte reyes*», XIII в.) и не сохранился в поэтическом виде, а, соответственно, определение его источника возможно лишь методом реконструкции. Попытка реконструкции эпической песни о разделе Испании и осаде Саморы предпринята с точки зрения законов эпического сюжетосложения.

Ключевые слова: испанский героический эпос, «Хроника двадцати королей», эпический сюжет, Сид Кампеадор

Для цитирования: Ершова И.В. Сказание о юности Сиды Кампеадора и утерянная песнь о разделе Испании: к реконструкции эпического сюжета // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. № 2 (2). С. 47–69. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-47-69

The Tale of Cid's birth and the lost song of the division of Spain: towards a reconstruction of an epic plot

Irina V. Ershova

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia, i.v.ershova@list.ru*

Abstract. The epic tale of Cid emerged and had been developing in the period from XII to XIV century A. D. We know it in various forms, including epic, chronicles, and romances. One of the main questions in its analysis is the problem of oral and/or written genesis of a given fragment in the hero's biography. Throughout the long history of the tale existence, the image of Cid has been considerably transformed; the most definitive change occurred in the process of adding the story of the young Rodrigo's exploits to the contents of the *Song of My Cid*. It became the main topic in the later poems, historicized biographies of the hero, and romances. The beginnings of Cid's heroic biography have engaged him into service to the king Fernando I; the hero himself starts to show some rebelliousness towards king's sons (his actions as well as advices incur their constant displeasure). This fragment of the tale has been retold in the *History of Spain* (more specifically, its so called *versión crítica* existed under the title *Crónica de veinte reyes*) and were not preserved in poetical form. Hence, its (presumably, epic) source cannot be established only by the method of reconstruction. In the paper, an attempt of such reconstruction is undertaken, based on the principles of epic plot making.

Keywords: Spanish heroic epic, "Crónica de veinte reyes", epic plot, Cid Campeador, Fernando I

For citation: Ershova I.V. The Tale of Cid's birth and the lost song of the division of Spain: towards a reconstruction of an epic plot. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2019; 2 (2): 47-69. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-2-47-69

Эпические сюжеты живут, как правило, долго и существуют в традиции в самых разных формах. Отдельный сюжет может существовать параллельно в устной и письменной традиции, может уйти в письменную словесность и там обрести каноническую форму, влияя и на последующие устные исполнения. Сюжет может зародиться в границах большой эпической поэмы, а затем существовать преимущественно в малых формах. Пожалуй, все возможные

варианты такого рода трансформаций дает нам сказание о Сиде Кампеадоре, средневековом испанском герое (исторический прототип – Родриго Диас де Бивар, или Родриго Кампеадор), эпическая судьба которого описывается в эпосе, хрониках и романах XII–XVI вв. Сказание о Сиде включает в себя события «Песни о моем Сиде», историю юношеских подвигов героя, связанную с именами кастильских королей Фернандо I Великого и Санчо II Сильного, сохранившуюся в хрониках и романах, а также рассказ о смерти героя и посмертном чуде, который сложился в монастыре Сан Педро де Карденья, где был захоронен Сид. История Сиды сохранилась (частями и целиком) во множестве текстов раннего и позднего Средневековья и ставит перед исследователями не меньшее количество вопросов. Главный вопрос касается устного или письменного генезиса того или иного фрагмента биографии героя. Особый интерес вызывают те фрагменты сказания, которые описаны в хроникальной традиции и не сохранились в поэтическом виде, а, соответственно, определение их источника возможно лишь методом реконструкции.

Обратимся к тому материалу, который связан с деяниями Сиды Кампеадора вне событий, описанных в «Песни о моем Сиде». Этот блок сказания складывается не сразу. Историография XII в. («Нахерская хроника», «История Родерика») все юношеские деяния Родриго Кампеадора связывает с вассальной службой кастильскому королю Санчо II, брату и предшественнику Альфонсо VI. К знакомой по эпосу истории Сиды добавляются рассказы о битвах при Льянтаде и Гольпехере, об осаде Саморы и предательстве Вельидо Дольфоса, убившего короля Санчо. Все эти эпизоды так или иначе связаны с участием Родриго Диаса. Можно предполагать, что именно его фигура вдохновила развитие этих сюжетов. Кроме того, на этом этапе нет возможности утверждать, что эпические рассказы о короле Санчо и его гибели под стенами Саморы стали предметом повествования в обширной *cantar de gesta*; возможно, речь идет о каких-то проторомансных формах.

Латинские хроники XIII в. (Луки Туйского и Родриго Толедского) явно свидетельствуют о возрастающей идеологической нагрузке на образ Сиды, хотя сами его деяния не являются предметом специального описания в обеих историях. Главное, что они фиксируют в отношении интересующего нас сюжета, – смещение начала деяний Сиды от эпохи короля Санчо II ко времени царствования его отца, кастильского короля Фернандо I. Происходит ли это преимущественно в зоне историографии или отражает также фольклорный сдвиг, сказать сложно. Однако, зная о большой лабильности границ устного и письменного, можно предположить, что культ Фернандо I как объединителя испанских земель,

перенесенный в хронику Луки Туйского из книжных и монастырских источников, естественным образом должен был вдохновить и устную эпическую традицию. Так или иначе, к последней трети XIII в. в различных версиях «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого¹ начало биографии Сиды в историографии уже твердо связывается со службой королю Фернандо I, и, на наш взгляд, это окончательное закрепление связано с влиянием именно устной эпической традиции. Эпической песни об этих событиях не сохранилось, но пересказ ее в испанской хронике позволяет предположить, что она не только существовала, но и сыграла ключевую роль в формировании образа юного Сиды.

Процификации эпических сюжетов, сделанные в скриптории Альфонсо X, не подвергают сомнению существование параллельной фольклорной традиции эпических *cantares de gesta*, однако границы и объем песен остаются предметом постоянного обсуждения. Наиболее спорной оказывается проблема идентификации источников рассказа о разделе Испании королем Фернандо I и распре братьев-королей, т. е. как раз тех событий, с которыми связано начало биографии эпического и историографического Сиды. Первое упоминание Родриго Диаса в «Хронике двадцати королей» (в дальнейшем *CrVR*) происходит в тот момент, когда хроника повествует о 40-м году правления Фернандо I и подходит к рассказу о смерти короля и разделе страны между его сыновьями (гл. 237). Коротко история выглядит следующим образом: умирающий король делит страну между сыновьями, забыв при этом наделить наследством дочь Урраку. Обиженная инфанта с плачем и жалобами требует справедливости и заручается помощью Руй Диаса, который на правах самого приближенного к королю человека убеждает того поступить как должно. Сыновья, каждый, отдают часть своей земли, и Санчо, старший, вынужден отдать крепость

---

¹ Напомним, что из королевского скриптория Альфонсо Мудрого вышло несколько ветвей исторических сочинений: 1) ветвь манускриптов «Хроники двадцати королей»; ответвлением от нее станет португальская «Хроника 1344 г.». На сегодняшний день все исследователи согласны в том, что «Хроника двадцати королей» представляет собой «критическую версию» (*versión crítica*) «Истории Испании», подготовленную в скриптории Альфонсо Мудрого при его жизни; 2) продолжение «Истории Испании», предпринятое его сыном королем Санчо IV и известное нам под названием «Первой всеобщей хроники», изданной Менендесом Пидалем; т. н. *versión retoricamente amplificada de 1289* или *versión sanchina*; 3) ветвь манускриптов «Хроники Кастилии» (*Crónica de Castilla*, нач. XIV в.), переработка последней части «Истории Испании», описывающая правление королей Фернандо I – Фернандо III до 1300 г.

Самору, что ему не нравится. Он единственный недоволен решениями короля, но умирающий отец берет клятву со своих сыновей, что они будут чтить его волю. Король умирает, но все предчувствуют будущие распри братьев. Они начинаются почти немедленно – сначала нападает Гарсия, которому, согласно *CrVR* отошли Галисия и Португалия; в ответ Санчо с помощью Альвара Фаньеса и Сиды разбивает войска дона Гарсии, пленит самого короля Гарсию (битва при Сангарене) и захватывает его земли. Далее король Санчо дважды сражается с братом Альфонсо, королем Леона (битвы при Льянтаде и Гольпехере), что заканчивается пленением и изгнанием Альфонсо, а Леон переходит под власть кастильского короля. И наконец – вопреки клятве отцу и противодействию Сиды – король Санчо решает отнять Самору у инфанты Урраки и осаждает город. После многих месяцев осады становится ясно, что Саморе не выстоять, и инфанта призывает найтись смельчака, который бы спас Самору. Вельидо Дольфос завоевывает доверие короля и предательски убивает его. На инфанту и всех ее людей (воспитателя инфанты графа Ариаса Гонсалеса и его сыновей) ложится подозрение в причастности к убийству короля. Королем Кастилии, Леона и Галисии становится Альфонсо, у которого Сид принимает клятву непричастности к убийству его брата. Дальнейшие события нам известны по «Песни о Сиде».

Пространный рассказ об этих событиях традиционно воспринимается исследователями как переложение одной или даже двух эпических песен. На этот источник указывают сами компиляторы и редакторы *CrVR*. Но помимо указания на то, что так dicen cantares, устный характер эпического источника определяется еще по целому ряду речевых маркеров: прямой речи, сохранению некоторого процента устных формул, следов «устной» грамматики и – главным образом, по нашему мнению, – соответствию рассказа законам эпического сюжетосложения. А именно – по общей логике развертывания сюжета, устойчивой связи базового сюжетообразующего мотива и дополнительных мотивов, его разворачивающихся (мотивных комплексов). Говоря о специфике эпического сюжетосложения, мы исходим из предположения, что сюжет всякого эпического текста может быть представлен устойчивой комбинацией элементов; каждый из них является сюжетопорождающим мотивом, который, в свою очередь, влечет за собой устойчивый мотивный комплекс, разворачивающийся далее в повествовательной структуре. При этом комбинация этих элементов (или сюжетопорождающих мотивов) не произвольна, а наоборот, строго последовательна. Элементы схемы таковы: 1. Героическая коллизия (причина, побуждающая героя к деянию). 2. Путь к деянию (способ пространственного перемещения). 3. Испытание /

претерпевание / препятствие. 4. Героическое деяние. 5. Последствия деяния [Ершова 2017].

Наиболее дискуссионным является вопрос границ и объема пересказанных *cantares de gesta*. Основных концепций и позиций две. Первая состоит в том, что следует говорить о двух несохранившихся «песнях о деяниях» – о «Cantar del Rey Fernando» и «Cantar de Cancho II y cerco de Zamora», каждая из которых имеет свой сюжет и свою историю. Обе песни берут начало в XII в., хотя сюжет о короле Фернандо складывается несколько позже [Puyol y Alonso 1911; Menéndez Pidal 1923; Patisson 1983]. Вторая концепция предполагает единую поэму-источник; основным сторонником этой версии был главный исследователь историографии Альфонсо Мудрого Д. Каталан, полагавший, что надо говорить о единой «Cantar de partición y cerco de Zamora», генезис которой он датировал второй половиной XII в. [Catalán 1963]. Однако это, по его мнению, не исключает возможного отдельного существования сюжетов о разделе королевства королем Фернандо I и об осаде Саморы королем Санчо в дальнейшей традиции и последующего соединения сюжета о короле Фернандо с сюжетом о юности Родриго. Что касается хронологии, то вероятность появления такой поэмы во второй половине XII в. маловероятна, а вот сама идея единой песни, а не двух, кажется нам очень убедительной. В некотором роде промежуточную позицию занимает К. Реиг [Reig 1947], считающая, что в устной традиции было две отдельных песни, но «Песнь о короле Санчо и взятии Саморы» должна была начинаться с краткого изложения истории раздела королевства, в *CrVR* же отражены обе поэмы².

Попробуем взглянуть на проблему эпических источников этой части *CrVR* с точки зрения эпического сюжетосложения и специ-

---

² Б. Пауэлл, разделяя идею связи раздела и последующих деяний короля Санчо, выдвинул гипотезу, что рассказ о разделе королевства в этой хронике демонстрирует следы смешения нескольких источников – латинских хроник и эпических поэм – и часть эпизодов принадлежит «Песни о короле Санчо и взятии Саморы». Таковыми он считает: 1) раздел королевства, но без выделения земель Урраке; 2) вызов Урраки ее наставником Ариасом Гонсалесом; 3) третье появление Сиды и наделение его графством; 4) отъезд Родриго Ариаса в Самору по приказу отца; 5) поручение заботы о Сиде сыновьям, сделанное королем; 6) плач Ариаса Гонсало [Powell 1984: 465]. Из предложенного нами далее анализа эпического сюжета станет понятно, что отбор этих эпизодов нелогичен с эпической точки зрения. В свете событий, связанных с королем Санчо и осадой Саморы, выделенные события никак не объясняют ни особую значимость Саморы, ни особую роль Сиды при короле Фернандо.

фики эпического образа Сиды и остальных персонажей данной части предания. Рассказ о смерти Фернандо и разделе королевства охватывает главы 237–240 и устроен следующим образом.

Эпизод I. Заболевший король Фернандо из видения со святым Исидором узнает о скорой смерти и выезжает в замок Кабесон. Король созывает сыновей и требует клятвы, что они не нарушат его последнюю волю. Они дают клятву, не зная, что потребует отец. Король просит клятву у знати и рыцарей. Король посылает Родриго Диаса (Ruy Dias Mio Cid) за своим сыном-бастардом, кардиналом доном Фернандо (в хронике эта сюжетная линия почти не развернута). Король делит землю на три королевства (трижды дается описание земель и хвала населяющим их народам) и требует клятвы у сыновей. Санчо не принимает решение отца (отказ от клятвы).

Эпизод II. Прибывают кардинал и Руй Диас. Кардинал сетует на дурной совет, данный королю, и напоминает, что король забыл выделить землю дочери, инфанте Урраке. Жалоба короля на дона Санчо. Ариас Гонсалес шлет послов за инфантой Урракой. Прибытие и плач Урраки по умирающему отцу. Плач Урраки о своем бесчестье (осталась без наследства). Уррака просит Сиды помочь ей. Хитрость Сиды, помогающего инфанте обратиться с просьбой к отцу. Король завещает Сиде как советника своим сыновьям. Сетует, что не дал доли Урраке и слушает совет Сиды. Сид приводит Урраку. Король оставляет с собой Сиды и Урраку. Сид умиряет ссору вне покоев короля (тройные угрозы). Король умиряет ссору. Король у каждого забирает часть земли и отдает Урраке. Король требует клятвы у сыновей.

Эпизод III. Ариас Гонсалес уезжает в Самору, отданную Урраке. Нуньо Фернандес, племянник короля, прибывает в Кабесон и требует у короля Фернандо землю, которую тот доверил его отцу. Санчо предлагает ему стать его вассалом, что тот воспринимает как оскорбление. Совет Алваро отомстить Санчо. Ссора и драка Нуньо Фернандеса и Санчо у одра короля. Нуньо Фернандес угрожает убить Санчо, если ему не отдадут Наварру. Санчо дает клятву отдать Наварру. Сид просит о милости короля. Фернандо завещает сыновьям сделать все необходимое для Сиды. Король требует клятвы у сыновей и умирает.

Плач Ариаса Гонсалеса о грядущих бедах Испании

Сама глава 237 представляет собой довольно интересную композицию, разграничить пласты которой не так просто. Сказано, что король заболел в Валенсии и видит сон (*vision de san Esidro*), в котором святой Исидор предвещает ему скорую смерть. Затем дважды повторяется одна и та же типическая сцена, знакомая нам по «Песни о моем Сиде»: король едет в церковь, преклоняет

колена, совершает молитву (inojos fincados/finco los inojos; oraçion ovo fecha) – сначала король Фернандо приезжает в церковь святой Марии, затем в церковь святого Исидора. Приехав в Кабесон, король созывает сыновей. Далее, буквально в одном предложении, описана эпическая завязка сюжета и его героическая коллизия: «После того как он повелел доставить себя в замок Кабесон, он приказал созвать своих сыновей и поделил между ними королевство, прежде чем скончался, дабы не случилось между ними ссор и стычек; и сказал он им: «Дети, хочу я вас просить, чтобы вы согласились со мной в том, что я хочу сейчас сделать, и если вдруг потом кто-то из вас захочет нарушить то, что я сейчас повелю, я должен его буду за это проклясть» (Despues dende fizose leuar al castillo de Cabeçon; desi mando llamar sus fijos e partio les el rregno ante que muriese, por que non oviesen despues entre ellos contienda e gresgo, et dixoles: “Fijos, quiero vos rrogar que me otroguedes lo que yo quiero agora fazer et si por aventura despues si quisiere alguno de uos quebrantar lo que yo agora mandare, darle he por ende mi maldiçion” [Ss³, CCXXXVII]). Следы двух разнородных источников видны очень отчетливо. Зачин эпической жесты включает в себя следующие события: больной король, помолвившись перед дорогой в церкви святой Марии, поехал в замок Кабесон, чтобы перед смертью взять с сыновей клятву, что они примут его решение разделить королевство. Монастырский текст⁴ представляет традиционный финал жизнеописания благочестивого короля: увидев под Рождество вещей сон, где святой Исидор сообщает монарху о скорой смерти, король едет с молитвой в церковь святого Исидора и обращается с мольбой к Господу, которую традиционно включают в себя все латинские и кастильские хроники XII–XIII вв.⁵ В *CrVR*

³ «Хроника двадцати королей» цитируется по манускрипту Ss по изд. [Campá Gutiérrez 2009].

⁴ Рассказ о сне короля Фернандо известен историографии еще с «Силосской хроники» (*Historia silense* или *Crónica silense*, первая треть XII в.).

⁵ «Господь, Тебе принадлежит власть и твое это королевство, Ты над всеми людьми и все подчиняется Тебе, а потому возвращаю Тебе королевство, которые Ты мне дал и в котором я жил, пока на то была Твоя воля, и прошу Тебя о милости, чтобы принял Ты душу, уходящую от забот этой жизни, в край света, которому нет конца и который есть рай» (¡Señor!, tuyo es el poder, tuyo es el rregno, e eres sobre todas las gentes, e todas las cosas son al tu mandamiento, et por ende torne el rregno que tu me diste en que yo biuiese de mientras que la tu voluntad fuese, et pidote por merçed que me rreçibas el alma que sale de los trabajos deste mundo, en la luz que non ha fyn, esto es el parayso [Ss, XXVII]).

оба текста очень аккуратно переплетены друг с другом, и вычленив их помогает не только знание латинского источника, но и способ интерпретации событий, свойственный эпике.

Обозначенная эпическим источником героическая коллизия вводит целый ряд традиционных зачинных эпических мотивов, прочно связанных друг с другом:

– болезнь властителя тождественна мотиву дурного предзнаменования и требует от короля выезда в родовой замок, где и должна быть принята последняя воля; что касается оставшегося срока жизни, то и здесь есть разночтения: житейная версия дает три дня, а эпическая – пять, воспитатель инфанты Урраки сообщает ей, что «не дают ему врачи более пяти дней сроку» (*non le dauan mas los fisicós de cinco dias de plazo*);

– мотив дурного совета, который несколько преобразен, поскольку остается неясным, был ли совет вообще, или речь идет о неверном решении самого короля; однако характерно, что персонажи, которые в данном сюжете выполняют функцию советчиков и примирителей (кардинал Фернандо, бастард короля⁶, и Руй Диас) неоднократно повторяют вопрос: «Отец, сеньор, кто посоветовал вам так разделить королевство?» (*Padre, señor ¿quien vos consejó así partur los rregnos? [Ss, CCXXXVIII]*);

– мотив запрета/наказа, который дает властитель и который обращен к сыновьям и каждому в королевстве: не нарушать его волю поделить королевство. Выражением этого запрета становится клятва, которую король требует от сыновей. Мотив клятвы (*jura*), а соответственно, и ее последующего нарушения является базовым для сюжета о распре сыновей Фернандо I. Принятие клятвы происходит ступенчато и, как видно из схемы, вызывает неприятие прежде всего старшего сына – инфанта Санчо. Первое требование короля дать клятву вносит еще один фольклорный мотив – клятвы по неведению: сыновья клянутся, но еще не знают, какую волю требует не нарушать король. Требование о клятве много раз повторяется в рассказе о последних днях Фернандо и каждый раз осложняется новыми преградами: а) несогласием Санчо, перворожденного сына; б) лишением наследства инфанты Урраки; в) ссорой племянника короля, наместника Наварры, Нуньо Фернандеса (имя вымышленное, так как братом Фернандо и правителем Наварры был король Гарсия) и инфанта Санчо из-за посягательств Санчо на эти земли. Заявлен в зачинной части и еще

---

⁶ «Некоторые говорят в своих песнях, что имел король Фернандо внебрачного сына, который был кардиналом в Риме и легатом всей Испании» (*Algunos dizen en sus cantares que avie el rrey don Ferrando vn fijo de ganancia que era cardenal en Rroma, e legado de toda España [Ss, XXVII]*).

один важный сюжетобразующий мотив – мотив нарушения запрета. Он связан прежде всего с действиями старшего сына, инфанта Санчо. Санчо не принимает раздел, даже давая клятву; Санчо недоволен тем, что Урраке от Альфонсо переходит Самора; Санчо предлагает Нуньо Фернандесу принести ему вассальную клятву и тем самым отдать ему земли Наварры; и даже после финального подтверждения клятвы Санчо клянется отомстить.

Характерным для эпоса образом каждый из зачинных мотивов и вся героическая коллизия в целом задают эпические амплуа действующих лиц и дальнейшее развитие сюжета. Король Фернандо оказывается в роли *слабого монарха*, главное проявление слабости которого – это неверное решение, следование ошибочному совету, неспособность проявить силу, надежда на советчиков. Главным героем песни, несомненно, следует считать старшего сына, инфанта Санчо: он отчетливо вписывается в амплуа *мятежного вассала*, который не слушается воли монарха, спорит, отвергает общее решение, не слушает совета и обижает своих вассалов, упрекает в предательстве.

Заметную и важную роль в рассказываемом сюжете играет Ruy Diaz mio Çid – так называет его *CrVR* и, по-видимому, эпическая поэма, ставшая ее источником. Двусоставное имя Родриго Диаса, знакомое по «Песни о моем Сиде», заставляет предположить, что в устной эпической традиции такое сочетание уже стало устойчивым и привычным. Амплуа Сиды в этом сюжете – правая рука и советчик короля Фернандо: «Хорошо, что вы пришли, Сид, мой верный вассал, ибо не было у короля лучшего советчика, чем вы» (*Bien seades venido Çide, mio leal vasallo, ca nunca grey tal consejero ovo nin tan bueno como vos sode [Ss, CCXXXVIII]*). Соответственно, все его действия в приведенных эпизодах связаны с функцией *мужа совета*: он послан королем за сыном-кардиналом; является свидетелем раздела королевства и клятвы; дает совет Урраке, как поехать к королю и изложить свою жалобу; советует королю дать наследство Урраке; он усмиряет злость и ссоры у покоев умирающего короля и просит короля завещать эту роль советчика своим сыновьям.

Все действия Сиды, хотя события и происходят в его юношеские годы, больше соответствуют тому характеру, который изображен в «Песни о моем Сиде». Руй Диас отличается особой преданностью королю и является верным вассалом. Очевидно, что особое положение Сиды при короле Фернандо является следствием того высокого статуса, который обретает герой в эпической традиции. Так, он единственный, кроме кардинала, имеет свободный доступ в его покои. Именно это определяет его особую роль в эпизоде с инфантой Урракой. В разворачивающемся диалоге Уррака плачет

о грядущем бесчестье (*deshonrada*) из-за несправедливости при разделе земель; Сид хочет поцеловать её руку, она отказывается и просит его помочь получить наследство; Руй Диас придумывает, как ей попасть в покои короля. Хитрость Сиды (инфанте надлежит громко плакать у покоев отца, он услышит плач Урраки и велит позвать её) вполне увязывается с его умом и изобретательностью – качествами, во многом определяющими его как сеньора и воина в «Песни о моем Сиде». Сразу скажем, что функция Урраки в разворачивающемся сюжете сведена преимущественно к плачу: она оплакивает смерть короля-отца, плачет об умершем муже, о несправедливости и бесчестье при разделе королевства. С одной стороны, её образ строится под влиянием лирической героини из традиционного фольклорного плача о женской доле⁷, а с другой стороны, соотносится с функцией эпической героини, плачущей о погибшем герое, и мотивом бедствий, ожидающих королевство (подобно Андромахе, Ярославне и пр.). Этот плач предрекает будущие распри и гибель короля Санчо. Его продолжением становится плач воспитателя инфанты Ариаса Гонсалеса о грядущих бедствиях (в традиционной тройной структуре он предрекает войны с маврами, войны братьев и гибель Испании) – именно он завершает первую часть сюжета о разделе королевства и осаде Саморы.

Возвращаясь к образу Сиды, заметим, что его героические свойства и одновременно роль правой руки короля заявлены в сцене ссоры и криков у покоев умирающего короля. Сид выходит и трижды утихомиривает спорящих: сначала велит замолчать всем, затем велит замолчать горожанину, а затем – графу Гарсии де Кабра (своему будущему недругу в «Песни о Сиде»). В этой сцене Руй Диас проявляет гневливость и буйство, как раз вполне свойственные молодому герою. Еще раз Руй Диас появляется в финальной сцене зачинной части, когда просит короля завещать сыновьям сохранить его функцию главного советчика и обязать их сделать для него все необходимое. Характерно, что это прошение сопровождается последним – третьим – требованием клятвы поделить королевство и проклятием короля тем, кто её нарушит. По сути, Сид тем самым становится своего рода хранителем клятвы и тем, кто следит за её исполнением. Рассказ о смерти короля дан в *CrVR* по хронике Родриго Толедского и явно происходит из монастырского жизнеописания благочестивого монарха.

События, проанализированные нами, вряд ли можно считать сюжетом самостоятельной *cantar de gesta*. Основных аргументов два: если завершить песнь смертью короля Фернандо, то заявлен-

---

⁷ ¹“Mesquina! ¿que fase o que sera de mi? “Non oviera de ser nascida” [Ss, CCXXXVIII].

ная героическая коллизия и конструирующие ее базовые мотивы не получают никакого эпического продолжения и разрешения; и главное – в перечисленных событиях трудно вычленивается эпический герой, каковым сам король Фернандо не может быть по определению. Следует сказать, что его эпическая функция в более поздних устных романсах всегда будет «фоновой», и роль слабого монарха, вопреки историческим оценкам (монарха-объединителя испанских земель), так и закрепится за ним. Более того, важнейшей и, по сути, единственной функцией Фернандо I в романсах станет улаживание конфликтов в связи с деяниями юного Родриго, будущего Сиды Кампеадора. Единственный, кто претендует на роль эпического героя в этой части сюжета – это мятежный дон Санчо, будущий король Кастилии и сюзерен Сиды, но его роль не развернута, и никаких героических деяний (будь то победы или поражения) он не успевает совершить.

Если же не считать последующие события с участием короля Санчо самостоятельной песней, то тогда целостность картины и соответствие содержания рассказа *традиционной модели эпического сюжета* в классическом эпосе будет гораздо более полной и мотивированной⁸. В таком случае заявленная *героическая коллизия* – раздел королевства и недовольство Санчо – полностью определяет дальнейшее развитие сюжета. Запрет оспаривать волю покойного короля и воевать между собой оказывается нарушен;

---

⁸ Об общей структуре испанских эпических песен рассуждал Б. Пауэлл. Сопоставив сходные структурные черты предполагаемой «Песни о короле Санчо» и «Песни о Сиде», он предположил, что вряд ли речь идет о прямом влиянии поэм друг на друга, скорее о том, «что обе поэмы оказались под влиянием традиции эпической поэзии, которая передала им стилистические и тематические образцы (models), чтобы, следуя им или отталкиваясь от них, поэты создали свои вымыслы» [Powell 1996: 157]. Идея Пауэлла верна, хотя все основные тематические и композиционные параллели (изгнание Сиды и лишение Санчо права первородства; и там и там интриги при дворе; военные успехи и удачные походы; во второй части схожее место занимают личные обстоятельства – замужество дочерей и осада Саморы; неожиданное насилие – оскорбление дочерей и убийство Санчо; финальные поединки) выглядят весьма схематично и, с фольклорно-эпической точки зрения, ошибочно. Интерпретация Пауэлла литературна и не учитывает эпического смысла событий. Так, например, гибель героя в результате предательства не может быть равнозначна испытанию героя, связанному с бедствиями его близких; также неверно разделять функционально походы Санчо на земли братьев и осаду Саморы как общественное и личное, так как все три действия связаны с нарушением клятвы и т. д. [Powell 1996: 151].

соответственно сути запрета сюжет строится вокруг междоусобной распри братьев-королей и стремления Санчо как главного нарушителя запрета последовательно захватить три части королевства. Задаваемый коллизией *путь* предполагает выход Санчо из Кастилии и захват чужих земель (это и есть маршруты и *испытания* Санчо). В конечном счете, королевство снова становится единым, но только ценой жизни самого короля Санчо (*гибель героя в результате предательства*) и гибели в поединках защитников Саморы (*последствия*), а следующим королем становится Альфонсо VI, при котором и состоится изгнание Сиды, описанное в «Песни о моем Сиде». Все перечисленные события в хронике начинаются почти сразу после плача Ариаса Гонсало и похорон старого короля Фернандо (гл. 244). Коротко описанный эпизод похода против короля Рамиро Арагонского и мавританских эмиров дан преимущественно по латинским источникам, в том числе по «Истории Родерика», и вряд ли присутствовал в сюжете устной песни, тем более что он сопровождается специальной главой о родословной Сиды Руй Диаса (гл. 243), которая заимствована из латинской биографии героя. Чрезвычайно нелогичным выглядит выяснение, кто из королей – Фернандо или Санчо – сделал Сиду рыцарем, особенно учитывая весь предшествующий рассказ о роли Руй Диаса как ближайшего помощника и советника короля Фернандо. Ясно, что он продиктован попыткой согласовать все предшествующие историографические (и фольклорные) рассказы о Сиде и его службе у короля Санчо.

Схема последующих событий, которые обычно относят к самостоятельной «Песни о короле Санчо и осаде Саморы» и которые, на наш взгляд, являются единым повествованием вместе с предыдущей историей раздела королевства, выглядит следующим образом.

1. Король Гарсия отобрал часть земель у Урраки. Плач Урраки. Признание ошибки королем Гарсией.

2. Первое нарушение клятвы Санчо. Поход Санчо на Галисию.

2.1. Санчо хочет отнять земли короля Гарсии. Альфонсо отказывается идти против клятвы.

2.2. Посольство к Гарсии Альвара Фаньеса. Посольство Гарсии к Альфонсо.

2.3. Первая битва с королем Гарсией. Гарсия бежит. Санчо преследует его до Португалии.

2.4. Вторая битва с Гарсией. Спасение короля Санчо и плен короля Гарсии. Ссылка короля.

3. Второе нарушение клятвы Санчо. Поход Санчо на Леон.

3.1. Первая битва с Альфонсо при Льянтаде (дана по хронике Родриго Толедского).

3.2. Вторая битва с Альфонсо при Гольпехере. Спасение короля Санчо и плен короля Альфонсо. Ссылка короля.

4. Третье нарушение клятвы Санчо. Поход Санчо на Самору.

4.1. Посольство Сиды к Урраке. Плач Урраки. Изгнание Сиды. Встреча Сиды и короля Санчо.

4.2. Осада Саморы. Граф Гарсия – совет королю. Ариас Гонсало – совет сдать город через девять дней.

4.3. Предательство Веллидо Дольфоса. Обещает избавить Самору от Санчо. Хитрость предателя. Смертельное ранение короля Санчо. Погоня Сиды за убийцей. Веллидо укрылся в Саморе.

4.4. Смерть короля. Король Санчо завещает Альфонсу принять Сиду своим вассалом. Сид сражается с саморцами.

5. Судебные поединки кастильцев и саморцев как месть за предательство Веллидо Дольфоса (Диего Ордоньес и сыновья Ариаса Гонсалеса).

Не ставя задачи детально проанализировать сюжетную структуру этой второй части, обратим внимание на общую для обеих частей трактовку базовых мотивов. Прежде всего, это мотив совета (дурного или благого). Этот мотив сопровождает любое решение короля Санчо: чаще всего Санчо либо не слушает совета вовсе, либо верно данный совет трактует как ошибочный. Совета просят все персонажи и во всех ситуациях: Уррака просит совета у Сиды, у своего воспитателя Ариаса Гонсалеса и у городского Совета; граф Гарсия у вассалов короля – во время осады Саморы и после гибели короля; главные слова второй части сюжета – *consejo*, *aconsejar*, *consejar*. При этом все советы даны во благо, но по большей части не приняты или не выполняются детьми Фернандо I (Гарсия, Санчо, Уррака), виновниками распри.

Второй мотив, неразрывно связывающий две части сюжета, – это мотив нарушения клятвы, который оборачивается обвинением в предательстве. Мотив предательства – один из самых распространенных в романской эпике⁹ – имеет в испанском эпосе

⁹ С.И. Лучицкая в своей статье о феномене «предательства» во французском эпосе анализирует характеристики и функции предателей в изображении средневековых *chansons de geste*, цели и мотивы совершенной ими измены. Выделенные ею признаки: предатели непременно заключают сделки с сарацинами (Ганелонидами), сорят сюзерена с верными вассалами, пытаются обрести власть, стремятся разрушить брак короля или верного вассала, предадут родственные узы, изменяют христианской вере [Лучицкая 2012]. Проанализировав множество персонажей данного амплуа, исследователь делает вывод, что предательство в *chansons de geste* интерпретируется, прежде всего, как правовой феномен, где законы права и морали тесно связаны друг с другом.

свою окраску и свои коннотации. Обвинение в предательстве слышится очень часто, при этом оно в равной степени относится к королю и к любому знатному человеку. Предателем оказывается всякий, кто нарушил (или задумал нарушить, или даже предложил это сделать другому) клятву, обещание, вассальный договор или родственные связи (хроника использует в качестве синонимов сразу три обозначения: *Si so desleal o traydor o aleuoso*, сар. 388)¹⁰. Так, в предательстве обвиняют братьев-королей Гарсию и Санчо за нарушение клятвы: «тот, кто нарушит его приказание и пойдет против своего брата, пусть считается тогда предателем, и падет на него гнев Божий» (*que el que pasase su mandamiento e fuese contra su hermano que fuese traydor por ello e que oviese la yra de Dios*, [Ss, CCXLVI]), данной покойному королю. В измене обвиняется Вельидо Дольфос («вышел из города предатель по имени Вельидо Дольфос» *de la villa es salido vn traydor que ha nonbre Vellido Adolf* [Ss, CCXLVII]), дважды нарушивший обманом и убийством вассальные клятвы – по отношению к королю Санчо и к своему бывшему сюзерену). Нарушение договора равняет в эпике короля и вассала и уравнивает, скажем, короля Санчо и его убийцу Вельидо Дольфоса; кроме того, в эпической системе ценностей нарушение запрета неминуемо влечет за собой возмездие, что осознается и самими героями. В данном случае мы, как кажется, имеем дело скорее с эпической и моральной оценкой, нежели с правовой; братья-короли (всякий раз говорится, что тот, кто нарушит клятву, предатель – а именно это они и совершают) оказываются прежде всего виновными в нарушении обещания отца и в силу этого сами становятся причиной своей гибели или лишения трона. Да и Вельидо Дольфос, многократно названный предателем в этом эпическом сюжете, с одной стороны, изменяет вассальной клятве, а с другой – действует из лучших побуждений, желая помочь инфанте Урраке и спасти Самору. Потому, в частности, столь неоднозначна его дальнейшая судьба в рассказе: в какой-то момент он просто исчезает из повествования, оставаясь лишь предлогом для вызова саморцев на поединки. В случае с королем Санчо дело обстоит иначе: он остается виновным в нарушении запрета, но встречается со своими врагами в битвах, а потому нигде в устной традиции предателем зваться не будет, хотя и будет обвиняться в том, что может стать предателем.

¹⁰ Строго говоря, в XIII в. *traición* – это предательство своего сюзерена, а *alevosia* – измена всякого рода [Марей 2006], однако в конкретных случаях эпические предатели не подходят под это строгое разделение, неслучайно хроника смешивает все три слова.

В целом все персонажи второй части (о битвах короля Санчо) продолжают осуществлять ту же функцию в сюжете, которая была закреплена за ними и в части о смерти короля Фернандо. Уррака по-прежнему ведет тему плача, который выполняет роль предвестья дурных событий: первый раз, когда король Гарсия отнимает у нее половину отданных им ей земель; второй раз – когда Сид приходит с посольством от короля Санчо и требованием отдать Самору. Она повторяет слова своего наставника и главного вассала Ариаса Гонсалеса о гибели Испании. Ее «слабость» выражена также в той сомнительной роли, которую она играет в убийстве брата-короля. Инфанта прибегает к помощи Вельидо Дольфоса, обещая ему награду за верность, и оказывается таким образом невольной виновницей гибели брата; она же стремится сохранить ему жизнь и защитить после убийства, поскольку смерть Санчо принесла снятие осады и воцарение Альфонсо.

Сохраняет свою роль и Ариас Гонсалес – верный помощник, советчик и вассал инфанты Урраки. Его предчувствие бед Испании и осуждение короля Санчо не уходит из повествования до самого финала и завершается в финале поединками его сыновей во имя честного имени города Самора, несправедливо обвиненного в укрывательстве убийцы. Поединки заканчиваются примирением сторон и окончанием ссоры кастильцев и леонцев – именно так могла завершаться предполагаемая *cantar de gesta* «О разделе королевства и осаде Саморы».

Единой по своей функции остается и роль Сиды; он исполняет роль доверенного лица и советчика короля. Наиболее значимые сцены с ним – это не сцены битвы, хотя он и проявляет исключительную доблесть, спасая короля в битве при Сантандере, а именно сцены совета и посольств. Так же, как в первой части, он состоит при короле Фернандо и дает ему советы в самых сложных ситуациях (в частности, как быть с наследством инфанты Урраки), так же во второй части он служит королю дону Санчо и дает ему советы в связи с походом на Галисию и осадой Саморы. Советы Сиды осторожны и сопряжены с хитроумием, что, на наш взгляд, вполне согласуется с эпическим поведением Сиды и характером героя в «Песни о моем Сиде» (хитроумие в нем, как кажется, является способом примирить два противоположных амплуа, из которых он составлен – *героя-воина* и *властителя*). Первый раз король Санчо спрашивает у своих вассалов и у Сиды совет, как захватить земли брата, короля Гарсии¹¹. Руй Диас отвечает, что не пойдет против

¹¹ «Потому прошу вас как вассалов добрых и верных, чтобы посоветовали мне, как это устроить таким образом, дабы это не было предательством, чтобы я или погиб, или стал королем Леона и Португалии»

клятвы, данной королю Фернандо, всегда давать хороший совет его сыновьям: «И заставил меня тогда поклясться на его руке, что я всегда буду давать хороший совет его детям и никогда не дам им дурного совета» (*et fizo me estonçes jurar en sus manos que consejase bien sienpre a sus fijos, e que nunca mal consejo les diese*, [Ss, CCXLV]). Тогда король Санчо просит его дать другой совет: как вернуть единое королевство? Сид, понимая, что совсем уйти от ответа нельзя, советует ему не звать Альфонсо против Гарсии, а лишь попросить короля Альфонсо позволения пройти по его землям, а иначе не ходить. Сид на самом деле дает только часть совета; и интересно, что он дает совет вторым – первым его дает граф Гарсия де Кабра, который прямо говорит, что нарушение клятвы равносильно предательству, чем вызывает гнев короля. Двойной совет содержит скорее предостережение королю, нежели его поддержку.

Второй значимый эпизод происходит, когда король Санчо просит Сиду отправиться к инфанте в Самору и дать ей совет либо сдать город, либо обменять его на другой. Уррака, дословно повторяя слова о клятве Сиды давать благой совет всем детям короля Фернандо, просит у него такой совет. Сид отказывается дать совет, потому что связан ролью посла, но и не пытается отговорить инфанту, когда она сообщает, что никогда не отдаст город. Сид тем самым как бы устраняется от своей основной функции – советчика, дабы не нарушать клятву покойному королю. Король Санчо подозревает, что именно Сид дал Урраке совет не сдавать город. Следствием этого становится гнев короля и изгнание Сиды, почти в точности повторяющее героическую коллизию «Песни о моем Сиде» (остается и срок – 9 дней) с той существенной разницей, что развития этой линии не происходит, а графы и магнаты после ухода Сиды советуют королю вернуть его: «Сеньор, не следует вам терять такого вассала, как Сид, ни за что, и мы просим вас, чтоб вы послали за ним, иначе вы много потеряете» (*Señor non deuedes perder tal vasallo commo el Çid por ninguna cosa, e rrogamos vos que enbiedes por el, ca si non mucho perderedes*, [Ss, CCLX]). Заметим, что такая позиция – уйти от совета и не выполнить задачу посольства – тоже ближе роли мятежного вассала, нежели верного помощника. Сид таким образом выполняет функцию посланника лишь однажды, и то, по-видимому, ради необходимости подчеркнуть его преданность воле короля Фернандо и отказ от дурных советов всем его детям, хотя он и не может остановить их междоусобные распри.

(*Onde vos rruego commo a vasallos buenos e e leales que me cosejedes commo les cometa en guisa que non sea trayçion, ca o morre o sere rrey de Leon e Portogal*, [Ss, CCXLV]).

Еще один совет Сид дает королю Санчо во время битвы при Гольпехере с королем Альфонсо, результатом которого станет присвоение кастильским королем земель Леонского королевства. Чем больше король Санчо нарушает клятву, данную своему отцу, тем меньше советов дает ему Сид. Он принимает участие в каждой битве, нанося решающее поражение врагам, хотя в некоторых случаях рассказ о преследовании врагов кажется вставкой хронистов из предшествующих источников (так, например, сражение с 15 саморцами после смертельного ранения короля Санчо заимствовано из «Истории Родерика»). Тем не менее перед смертью короля повторяется сцена, подобная той, что происходила у одра умирающего Фернандо I. Король обращается с речью к вассалам (теперь это раскаяние в нарушении клятвы), а далее Сид просит оправдать его в том, что он не давал дурных советов: «Теперь я не могу идти искать убежища у мавров, у вашего брата дона Альфонсо, и не могу укрыться у христиан вашей сестры доньи Урраки, поскольку они думают, что по моему совету совершили вы худшее из того, что сделали. И потому прошу вас, чтобы вы позаботились обо мне прежде, чем скончаетесь» (*E agora non puedo yr guarescer con los moros, ante vuestro hermano don Alfonso, nin puedo fyncar con los christianos, ante vuestra hermana doña Vrraca, ca bien tienen ellos que por mio consejo les fezistes vos quanto mal les avedes fecho. Et por ende vos rruego que vos venga miente de mi ante que finedes, [Ss, CCLXV]*). В завершающих этот сюжет поединках кастильцев и саморцев Сид не участвует, ровно так же, как в «Песни о моем Сиде» в поединках с инфантами не участвует Альвар Фаньес, правая рука и советчик Сида Кампеадора¹².

На наш взгляд, именно мотив клятвы оказывается тем сквозным мотивом, который позволяет нам, соглашаясь с Д. Каталаном

¹² Несколько особняком стоит эпизод клятвы короля Альфонсо в церкви Санта-Гадеа в непричастности к убийству своего брата, короля Санчо. Только после принесения этой клятвы вассалы короля Санчо готовы принять Альфонсо в качестве своего сюзерена и принести ему вассальные клятвы. На наш взгляд, этот целиком вымышленный эпизод, при всей значимости мотива клятвы, связанного с ней запрета и его нарушения, не входил в «Песнь о разделе и осаде Саморы». Причина кроется в излишне своевольном и дерзком поведении Сида, которое в границах двух известных нам на этот момент эпических песен и тех эпизодов, которые сохранились в латинской историографии, ни разу не было отмечено. Вместе с тем этот эпизод коррелирует с будущим романсом о клятве в Санта Гадеа. Можно высказать две гипотезы: либо этот сюжет существовал самостоятельно и был придуман хронистами для ввода событий из «Песни о Сиде», а затем переложен в романс, либо он существовал с начала XIII в. в виде короткой песни, имевшей самостоятельный сюжет.

(вопреки мнению всех остальных), интерпретировать всю историю раздела королевства и междоусобной распри до смерти короля Санчо как сюжет единой поэмы. Каждая часть (о смерти Фернандо и о захватах Санчо и осаде Саморы) оказывается по отдельности неполной с точки зрения сюжетных закономерностей классического героического эпоса.

В целом сюжетная структура предполагаемой «Песни о разделе королевства и осаде Саморы» (название целиком условно, в том числе и потому, что хугларские песни о деяниях в рукописях, как правило, названий не имеют [Duggan 1986]) с точки зрения ее сюжетной структуры могла бы выглядеть так:

Часть I

1.1. Король Фернандо перед смертью созывает сыновей и требует клятвы, что они не нарушат его волю. Король делит землю на три королевства. Инфант Санчо не принимает решение отца.

1.2. Младшая дочь обойдена наследством. Король у каждого забирает часть земли и отдает Урраке. Король второй раз требует клятву у сыновей.

1.3. Нуньо Фернандес, племянник короля, требует земли, управляемые его отцом (мотив нарушенного обещания). Ссора у одра короля. Клятва Санчо отомстить. Третий раз король просит клятвы у сыновей и умирает. Плач Ариаса Гонсалеса о грядущих бедах.

Часть II

2.1. Первое нарушение клятвы. Поход Санчо на Галисию. Две битвы с королем Гарсия. Пленение Гарсии.

2.2. Второе нарушение клятвы. Поход Санчо на Леон. Две битвы с королем Альфонсо. Пленение и изгнание Альфонсо.

2.3. Третье нарушение клятвы. Поход Санчо на Самору. Осада Саморы. Предательство Вельидо Дольфоса и убийство короля.

2.4. Судебные поединки кастильцев и саморцев как месть за предательство Вельидо Дольфоса. Воцарение короля Альфонсо и объединение всех королевств.

Таким образом, общность двух частей можно подтвердить не только на сюжетном и мотивном уровне, но и взаимосвязанностью распределения системы эпических ролей в обеих ее частях. Если в первой части сюжета о разделе королевства в роли мятежного вассала при слабом короле, совершающем ошибки,

оказывается инфант Санчо, то во второй части уже он постепенно начинает занимать место «слабого властителя» (отсюда все обвинения Урраки, ошибочное изгнание Сида королем Санчо, требование принести клятву, обращенное к королю Альфонсо), а некоторые черты мятежного вассала забирает на себя Сид. Неслучайно Руй Диас постепенно уходит от роли мужа совета, а его отношения с королем Санчо все более приобретают неустойчивый и неопределенный характер. «Буйство нрава» и «непокорность» проявлялись и в первой части, когда Сид кричит на придворных у покоев умирающего короля и вызывает раздражение братьев-королей. В следующем далее прозаическом изложении событий «Песни о моем Сиде» эта «мятежная» коннотация в характеристике Сида максимально редуцирована – так же, как и в поэме-источнике.

Так или иначе, если эта черта и присутствовала изначально в эпическом образе Сида Кампеадора, то лишь в небольшой доле и довольно быстро, уже к концу XII в., была устранена традицией, кодифицирующей исключительный статус героя, песнь о его деяниях и способ интерпретации фигуры Сида как идеального эпического героя. Мне не можем согласиться с тем, что «мятежность» Сида в сюжете о разделе и распрях королей является следствием влияния французского эпоса с его циклом «жест о мятежных баронах»¹³. По-видимому, многие ранние романские эпические герои как во Франции, так и в Испании, вроде Гормона де Изамбара и Рауля де Камбре, графа Фернана Гонсалеса и Сида Кампеадора, обладали отдельными чертами этого типа эпического персонажа. Очевидно, что признаки «мятежного» поведения, исходя из самой природы эпических конфликтов и деяний Сида, должны были быть свойственны ему с самого начала и должны лишь усиливаться в устной традиции, что и отразилось в прозификации песни о разделе королевства в *versión crítica* «Истории Испании», сохранившейся в ветви хроник под названием «Хроника двадцати королей».

На наш взгляд, многослойность Сида Кампеадора следует объяснять не противоречием двух эпических версий и не столкновением эпического и хроникального взгляда на героя, а процессом постепенной трансформации образа Сида в устной традиции. Разобранная нами «критическая версия» истории Испании

---

¹³ Надо учитывать, что непокорность и дерзость первых романских героев (как франкских, так и испанских), ведущая к конфликту правителя и героя или являющаяся его следствием, не совсем тождественна воинственной непримиримости «мятежных баронов» типа Рено де Монтана, Жерара Руссильонского и героев «жесты Доона де Майанс».

Альфонсо Мудрого запечатлевает следующий этап эволюции сказания о Сиде, когда начинает активно формироваться сказание о героической юности Родриго Диаса. Зрелый, хитроумный и разумный герой «Песни о моем Сиде», закрепленный авторитетом устной традиции и письменной фиксации, еще влияет здесь на то, как действует «юный герой». Именно это первенство в традиции «взрослой» ипостаси героя создает ощущение странности и противоречивости всех эпизодов с участием Сиды, взятых из поэмы о разделе королевства. Это противоречие определило и специфическую неоднозначность Сиды в «Хронике двадцати королей». Поэтому юный Сид, неуместно для своего эпического возраста, предстает в амплу «мужа совета», а будучи разумным советчиком короля Фернандо, он вдруг хватается за оружие и замахивается с воплями на тех, кто создает шум у покоев короля, или придумывает хитрость с публичным плачем Урраки, чтобы ввести ее к умирающему королю, или, несмотря на возраст, уверенно раздаст указания королям и королевам и наставляет их, или сразу после смиренной мольбы к умирающему Санчо II позаботиться о его дальнейшей судьбе, вдруг дерзко, резко и грубо требует у короля Альфонсо, своего будущего монарха, принести клятву о непричастности к убийству его брата.

Следующий этап эволюции героя начнется совсем скоро, в начале XIV в., и будет связан с окончательным оформлением сюжетов о юном Родриго, однако жанровая система, в рамках которой он должен исследоваться, уже не будет ограничена героическим эпосом и историографией. По мере удаления от эпохи эпическая романсная «биография» героя будет достраиваться как раз за счет усиления традиционных эпических мотивов, а соответственно, Сид окончательно приобретет и необходимые герою-воину молодость, дерзость и неумеренность в стремлении завоевать славу и отстоять свою честь, т. е. как раз те качества, которые впервые проявились в хроникальном пересказе несохранившейся эпической поэмы, объединившей в один сюжет две версии сказаний о юном Сиде.

Литература

- Ершова 2017 – *Ершова И.В.* «Песнь о моем Сиде» и особенности эпического сюжетостроения // *Филологические науки.* 2017. № 5. С. 63–73.
- Лучицкая 2012 – *Лучицкая С.И.* Предательство и измена в *chansons de geste* XII–XIII вв. // *Одиссей. Человек в истории.* 2012. № 23. С. 19–44.

- Марей 2006 – *Марей А.В.* Из «Первой всеобщей хроники Испании». Осада Саморы (главы 830–844) // Кентавр: studia classica et mediaevalia. 2006. № 3. С. 258–285.
- Catalán Menéndez-Pidal 1963 – *Catalán Menéndez-Pidal D.* El taller historiográfico alfonsí. Métodos y problemas en el trabajo compilatorio // Romania. Revue des Langues et des Littératures Romanes. 1963. № 84. P. 354–375.
- Campa Gutiérrez 2009 – La Estoria de España de Alfonso X. Estudio y edición de la Versión crítica desde Fruela II hasta la muerte de Fernando II / Ed. by M. de la Campa Gutiérrez. Málaga: Universidad de Málaga (Analecta Malacitana 75), 2009.
- Menéndez Pidal 1923 – *Menéndez Pidal R.* Relatos poéticos en las crónicas medievales. Nuevas indicaciones // Revista de Filología Española. 1923. Vol. 10. No. 4. P. 329–372.
- Patisson 1983 – *Patisson D. G.* From legend to chronicle: the treatment of epic material in Alphonsine historiography. Oxford: Medium Aevum, 1983.
- Powell 1996 – *Powell B.* The Cantar del rey don Sancho y cerco de Zamora and the Poema de mió // Al que en buen hora nació: Essays on the Spanish Epic and Ballad in Honor of Colin Smith / Ed. by B. Powell, G. West. Liverpool: Liverpool University Press: Modern Humanities Research Association, 1996. P. 147–160.
- Powell 1984 – *Powell B.* The Partición de los reinos in the Crónica de veinte reyes // Bulletin of Hispanic Studies. 1984. No. 61. P. 459–471.
- Puyol y Alonso 1911 – *Puyol y Alonso J.* Cantar de Gesta de Don Sancho II de Castilla. Madrid: Librería General de Victoriano Suárez, 1911.
- Reig 1047 – *Reig C.* El cantar de Sancho II y cerco de Zamora. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto Antonio de Nebrija, 1947.

References

- Catalán Menéndez-Pidal, D. (1963) El taller historiográfico alfonsí. Métodos y problemas en el trabajo compilatorio. *Romania. Revue des Langues et des Littératures Romanes*, (84): 354–375.
- Campa Gutiérrez M. (ed.) (2009) *La Estoria de España de Alfonso X. Estudio y edición de la Versión crítica desde Fruela II hasta la muerte de Fernando II*. Málaga: Universidad de Málaga (Analecta Malacitana 75).
- Ershova I. V. (2017) “Pesn’o moem Side” i osobennosti ehpicheskogo syuzhetostroeniya [The Song of my Cid and peculiarities of epic plot construction]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], (5): 63–73. (In Russ.).
- Luchickaya S. I. (2012) Predatel’stvo i izmena v chansons de geste XII–XIII vv. [Treachery and betrayal in chansons de geste of the 12th–13th c.].

- Odissej. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History], (23): 19–44. (In Russ.).
- Marej A. V. (2006) Iz «Pervoj vseobshchej hroniki Ispanii». Osada Samory (glavy 830–844) [From Primera Crónica General: Siege of Zamora]. *Kentavr: studia classica et mediaevalia* [Centaur: studia classica et mediaevalia], (3): 258–285. (In Russ.).
- Menéndez Pidal R. (1923) Relatos poéticos en las crónicas medievales. Nuevas indicaciones. *Revista de Filología Española*, 10 (4): 329–372.
- Patisson D. G. (1983) *From legend to chronicle: the treatment of epic material in Alphonsine historiography*. Oxford: Medium Aevum.
- Powell B. (1996) The Cantar del rey don Sancho y cerco de Zamora and the Poema de mió Cid. Powell B., West G. (eds.) *Al que en buen hora nació: Essays on the Spanish Epic and Ballad in Honor of Colin Smith*. Liverpool: Liverpool University Press: Modern Humanities Research Association: 147–160.
- Powell B. (1984) The Partición de los reinos in the Crónica de veinte reyes. *Bulletin of Hispanic Studies*, (61): 459–471.
- Puyol y Alonso J. (1911) *Cantar de Gesta de Don Sancho II de Castilla*. Madrid: Librería General de Victoriano Suárez.
- Reig C. (1947) *El cantar de Sancho II y cerco de Zamora*. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto Antonio de Nebrija.

Информация об авторе

Ирина В. Ершова, доктор филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; Россия, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1; i.v.ershova@list.ru

Information about the author

Irina V. Ershova, Dr. of Sci. (Philology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg 2, bld. 84, Vernadskogo av., Moscow, 119571, Russia; i.v.ershova@list.ru